

DOI: 10.24412/3034-4042-2025-2-146-150

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.03.2025 г.

Дата принятия рукописи в печать: 30.03.2025

ШАРНИН Андрей Андреевич,

Аспирант, Уральский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,

e-mail: bkastov@mail.ru

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ФОРМ ХИЩЕНИЯ

Аннотация. В рамках данной работы был осуществлен всесторонний анализ особых квалифицирующих признаков, характерных для составов насильственного грабежа и разбойного нападения. Представляется, что тщательное исследование этих отягчающих обстоятельств при насильственных формах хищения существенно упрощает процесс корректной юридической оценки таких преступных деяний сотрудниками правоохранительных органов, способствуя более эффективной правоприменительной практике.

Актуальность темы обусловлена участившимися случаями совершений таких преступлений как насильственный грабёж и разбой.

Научная новизна исследования состоит в построении оригинальных моделей, на основании которых происходит систематизация и сопоставление специфических квалифицирующих признаков насильственных форм хищения.

Ключевые слова: хищение, насильственные формы, состав преступления, квалификация, разграничение, проблемы, специфические квалифицирующие признаки.

SHARNIN Andrey Andreevich,

Postgraduate, Ural Institute of Management, Branch Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

SPECIFIC QUALIFYING SIGNS OF VIOLENT FORMS OF THEFT

Annotation. This article analyzes in detail and analyzes the specific qualifying features of violent robbery and robbery. It seems that a detailed study of these qualifying signs of violent forms of theft helps to facilitate and optimize the proper and correct qualification of relevant crimes with aggravating features on the part of state law enforcement agencies.

The relevance of the topic is due to the increased frequency of crimes such as violent robbery and robbery.

The scientific novelty of the research consists in the construction of original models, on the basis of which the systematization and comparison of specific qualifying signs of violent forms of theft takes place.

Key words: embezzlement, violent forms, corpus delicti, qualification, differentiation, problems, specific qualifying features.

Прежде всего необходимо раскрыть признак, будучи неотъемлемой характеристикой сущность квалифицирующего признака как определенного состава преступления, указывает на его существенно большую общественную правовую категории в уголовном законодательстве. Данное понятие представляет собой особое опасность по сравнению с базовым составом. обстоятельство, усиливающее ответственность. Данный аспект оказывает существенное влияние за конкретное преступное деяние. Такой на правовую оценку противоправного деяния и

последующее определение объема карательного воздействия в рамках предусмотренной санкции, что особым образом отражено в структуре диспозиции правовой нормы [1, с. 70].

При исследовании криминальных деяний, сопряженных с насильственным изъятием чужого имущества, следует акцентировать внимание на том, что присутствие квалифицирующих элементов существенно усиливает степень их социальной вредности, что логически обуславливает необходимость применения более жестких форм уголовно-правового реагирования. В контексте насильственных хищений особого рассмотрения требуют специальные квалифицирующие характеристики, свойственные исключительно насильственному грабежу и разбою. Законодатель в УК РФ выделяет два ключевых критерия такого рода: вооруженность при совершении преступного посягательства и причинение жертве тяжкого вреда здоровью.

При анализе квалифицирующих признаков насильственных хищений требуется углубленное изучение их специфических характеристик. Легальная дефиниция оружия закреплена в ФЗ № 150-ФЗ «Об оружии» от 13.12.1996. Законодательный акт относит к данной категории не только устройства и предметы, изначально созданные для поражения целей различного характера, но также включает в нее сигнальные средства.

В доктрине уголовного права отсутствует консенсус относительно интерпретации данной законодательной нормы. Определенная часть правоведов оспаривает корректность отнесения сигнальных устройств к категории оружия при квалификации деяний по ст. 162 УК РФ. Их аргументация базируется на том, что подобные устройства целесообразнее классифицировать как предметы, используемые в качестве оружия, поскольку их первоначальное функциональное назначение заключается в сигнализации, а не в причинении повреждений [3, с. 153]. Данная позиция представляется обоснованной, несмотря на то, что сигнальные устройства потенциально способны нанести вред здоровью, хотя изначально не предназначались для подобных целей.

Однако данная позиция представляется спорной по нескольким причинам:

Во-первых, внешнее сходство сигнального

оружия с огнестрельным (пистолетами или револьверами) создает у потерпевшего обоснованное опасение за свою жизнь и здоровье.

Во-вторых, законодательство требует получения специального разрешения на владение сигнальным оружием, что регламентируется ФЗ «Об оружии». Закон устанавливает строгий порядок приобретения, регистрации и хранения такого оружия, ограничивая количество разрешенных единиц и определяя пятилетний срок действия лицензии [2].

В-третьих, технические характеристики сигнального оружия (использование сигнальных фаеров и световых неоновых капсул, механизм выстрела, аналогичный самозарядным пистолетам, превосходящая пневматическое оружие дальность выстрела) свидетельствуют о его потенциальной опасности [4, с. 291].

Субъективное восприятие потерпевшим ситуации становится определяющим критерием юридической оценки в случаях, когда преступник применяет муляжи оружия (макеты, игрушечное оружие, неисправное или незаряженное оружие) без намерения причинить фактический вред. Если жертва воспринимает имитацию как реальное оружие и испытывает обоснованные опасения за свою жизнь, деяние квалифицируется как разбой по ч. 1 ст. 161 УК РФ. Напротив, осознание потерпевшим (например, специалистом в области вооружения) безопасности демонстрируемого предмета влечет квалификацию действий преступника как грабежа.

Доктринальный подход к определению предметов, применяемых в качестве оружия, включает широкий спектр материальных объектов, потенциально способных причинить летальный исход или вред здоровью. В данную категорию входят как предметы хозяйственно-бытового назначения (кухонные ножи, топоры), так и специальные технические устройства, представляющие реальную опасность для жизни и здоровья человека (механические распылители и аэрозольные устройства с раздражающими веществами) [5].

При юридической квалификации противоправных деяний важно учитывать, что насильственное или обманное введение жертве различных веществ (включая сильнодействующие, ядовитые или одурманивающие), угрожающих

жизни и здоровью, с целью последующего хищения имущества не может рассматриваться как признак вооруженности. Такой подход обоснован тем, что указанные субстанции не подпадают под классификацию предметов, признаваемых оружием или используемых в качестве такового.

Исследование квалифицирующего признака вооруженности требует рассмотрения нескольких существенных элементов. Определяющим критерием является реальное применение преступником оружия или предметов, исполняющих аналогичную роль, направленное на причинение физического вреда потерпевшему. Аналогичное правовое значение имеет и угроза использования подобных предметов, которая может выражаться как в вербальной форме, так и путем демонстративного предъявления оружия [6, с. 24].

Отдельного рассмотрения требуют случаи непреднамеренного выявления потерпевшим наличия у нападающего оружия или предметов, применяемых в качестве такового (к примеру, при визуальном обнаружении ножа за поясом), даже если преступник не имел намерения их демонстрировать или использовать, ограничиваясь вербальными угрозами. При возникновении у жертвы обоснованных опасений относительно возможного применения обнаруженных предметов, действия преступника надлежит квалифицировать по ч. 2 ст. 162 УК РФ [7, с. 22; 8, с. 33].

При применении предметов, не являющихся оружием в традиционном понимании, допустима их правовая оценка как предметов, используемых в качестве оружия. В процессе юридической квалификации существенную роль играет комплексная характеристика личности преступника, включающая его физические, социальные, психологические и индивидуальные особенности, которые могут повлиять на то, как потерпевший воспринимает угрозу.

При исследовании данной проблематики следует отметить, что криминологический анализ личности правонарушителя включает как объективные характеристики субъекта преступного деяния, так и их субъективное отражение в сознании потерпевшего. Следовательно, правовая оценка насильственных хищений основывается не только на реальных характеристиках преступника, но и учитывает специфику его восприятия жертвой преступления.

При летальном исходе, наступившем в результате неосторожного причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего, требуется квалификация по совокупности составов преступлений, закрепленных в ч. 4 ст. 162 и ч. 4 ст. 111 УК РФ. В случаях доказанного прямого умысла на лишение жизни путем причинения тяжких телесных повреждений, противоправные действия образуют совокупность преступлений, подлежащих квалификации по п. «в» ч. 4 ст. 162 и п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Необходимо акцентировать внимание на том, что наличие в п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ формулировки об убийстве, сопряженном с разбоем, не исключает необходимости дополнительной квалификации деяния по соответствующей части статьи УК РФ, предусматривающей ответственность за разбойное нападение [9, с. 413].

При юридической оценке деяния ключевое значение приобретает определение целевой направленности примененного насилия. В ситуациях, когда умерщвление жертвы осуществляется после завершения хищения (в том числе после грабежа) и мотивировано стремлением скрыть следы предшествующего преступления, действия виновного образуют совокупность преступлений и подлежат квалификации по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство с целью сокрытия иного преступления) и ст. 161 УК РФ.

Летальный исход в ходе хищения неизбежно влечет квалификацию деяния как разбойного нападения. Однако для такой правовой оценки требуется доказать непосредственную каузальную связь между наступлением смерти и насильственными действиями, составляющими объективную сторону хищения, то есть действиями, непосредственно нацеленными на противоправное изъятие имущества у потерпевшего.

Заслуживает внимания тот факт, что в диспозициях статей о грабеже и разбое отсутствует квалифицирующий признак причинения значительного ущерба гражданину, хотя данный признак предусмотрен в ч. 2 ст. 158 УК РФ для кражи. Подобное законодательное решение обусловлено тем, что насильственные формы хищения характеризуются значительно более высоким уровнем общественной опасности в сравнении с тайным хищением. При совершении грабежа или разбоя с целью завладения имуществом малой

ценности данное обстоятельство рассматривается судом исключительно как один из количественных параметров при индивидуализации наказания в рамках предусмотренной законом санкции.

Отдельного внимания требует анализ таких квалифицирующих элементов разбойного нападения, как хищение в крупных и особо крупных масштабах. В юридическом сообществе ведутся споры относительно трансформации конструкции состава разбоя при наличии данных признаков - от усеченного к материальному [10, с. 29]. Важно подчеркнуть, что вменение основного состава рассматриваемого преступления не зависит от того, достиг ли злоумышленник своей цели и получил ли реальную возможность распорядиться похищенным имуществом. Состав преступления считается оконченным в момент совершения противоправных действий, вне зависимости от достижения преступного результата.

В уголовно-правовой доктрине возникает дискуссионный вопрос относительно квалификационных параметров разбойного нападения в контексте крупного и особо крупного размеров похищаемого. Научное сообщество разделилось на два противоборствующих лагеря в трактовке данной проблематики.

Сторонники первого подхода утверждают, что для инкриминирования соответствующего квалифицирующего признака достаточно доказать, что умысел преступника был направлен на хищение имущества в крупном либо особо крупном размерах.

Приверженцы альтернативной концепции настаивают на том, что при отсутствии у злоумышленника фактической возможности распорядиться имуществом в означенных размерах, деяние надлежит квалифицировать как покушение на преступление, невзирая на направленность и содержание преступного умысла. Приверженцы этой точки зрения обосновывают свою

позицию тем, что для признания преступления оконченным необходимо фактическое наступление материального ущерба соответствующего размера, а не только намерение его причинить.

Аргументация в поддержку понимания квалифицированного разбоя как материального состава усиливается практическими соображениями: установление подлинных намерений преступника относительно размера хищения становится крайне затруднительным в ситуациях незавершенного преступления. Позиция юристов, утверждающих обязательность реального причинения ущерба в крупных либо особо крупных масштабах для правильной квалификации деяния согласно соответствующим частям статьи, находит существенное подтверждение в данном контексте.

Анализ насильственных форм хищения демонстрирует, что их квалифицирующие признаки значительно усиливают общественную опасность деяний, что естественным образом обуславливает ужесточение уголовно-правовых санкций. Ключевое значение среди этих признаков приобретают применение оружия и причинение тяжких последствий для здоровья жертвы. Примечательно, что состав вооруженного разбоя включает не только использование непосредственно оружия, но и различных предметов, применяемых в качестве такового.

В случаях, когда разбойное нападение сопровождается причинением тяжкого вреда здоровью, деяние квалифицируется по ч. 4 ст. 162 УК РФ. При неосторожном причинении смерти вследствие нанесения тяжких повреждений необходима квалификация по совокупности ч. 4 ст. 162 и ч. 4 ст. 111 УК РФ. В ситуациях, когда доказан предварительный умысел на лишение жизни потерпевшего, правовая оценка действий преступника должна осуществляться по совокупности п. «в» ч. 4 ст. 162 и п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Список литературы:

- [1] Кабурнеев Э.В. Понятие квалифицирующих признаков и их роль в дифференциации уголовной ответственности за убийство // *Законы России*. — 2007. — № 4. — С. 70.
- [2] Федеральный закон от 13.12.1996 N 150-ФЗ «Об оружии» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 15.02.2025 г.).
- [3] Сон Э.В. Проблемы квалификации разбоя с применением отдельных видов оружия // *Пробелы в Российском законодательстве*. — 2017. — № 7. — С. 153.
- [4] Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и

уголовном процессе. М.: Норма, ИНФРА-М, 2018. С. 291.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 N 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 15.02.2025г.).

[6] Сидоренко Э.Л. Причинение вреда здоровью с применением оружия в свете изменений российского уголовного законодательства // Российский следователь. — 2015. — № 5. — С. 24.

[7] Благов Е.В. Применение уголовного права (теория и практика). М.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 22.

[8] Черненко Т.Г. Содержание признака «применение» в вооружённом разбое // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск, 30 января 2015г. Томский государственный университет. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2015. С. 33.

[9] Ядрошникова М.С. Об отграничении разбоя от убийства, сопряжённого с разбоем // Уголовная политика и правоприменительная практика. Санкт-Петербург, 30 октября 2015г. Российский государственный университет правосудия. Санкт-Петербург: Издательский дом «Петрополис», 2015. С. 413.

[10] Коробов П.П. Разбой как типичная форма хищения // Уголовное право. — 2006. — № 1. — С. 29.

Spisok literatury:

[1] Kaburneev E.V. Poniatie kvalifitsiruiushchikh priznakov i ikh rol' v differentsiatsii ugovolnoi otvetstvennosti za ubiistvo // Zakony Rossii. — 2007. — № 4. — S. 70.

[2] Federal'nyi zakon ot 13.12.1996 N 150-FZ «Ob oruzhii» // SPS «Konsul'tant Plus» (data obrashcheniia 15.02.2025 g.).

[3] Son E.V. Problemy kvalifikatsii razboia s primeneniem otdel'nykh vidov oruzhiia // Probely v Rossiiskom zakonodatel'stve. — 2017. — № 7. — S. 153.

[4] Rossinskaia E.R. Sudebnaia ekspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom i ugovolnom protsesse. М.: Norma, INFRA-M, 2018. S. 291.

[5] Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 27.12.2002 N 29 «O sudebnoi praktike po delam o krazhe, grabezhe i razboe» // SPS «Konsul'tant Plus» (data obrashcheniia 15.02.2025g.).

[6] Sidorenko E.L. Prichinenie vreda zdorov'iu s primeneniem oruzhiia v svete izmenenii rossiiskogo ugovolnogo zakonodatel'stva // Rossiiskii sledovatel'. — 2015. — № 5. — S. 24.

[7] Blagov E.V. Primenenie ugovolnogo prava (teoriia i praktika). М.: Iuridicheskii tsentr Press, 2004. S. 22.

[8] Chernenko T.G. Soderzhanie priznaka «primeneniye» v vooruzhennom razboe // Pravovye problemy ukrepleniia rossiiskoi gosudarstvennosti. Tomsk, 30 ianvaria 2015g. Tomskii gosudarstvennyi universitet. Tomsk: Natsional'nyi issledovatel'skii Tomskii gosudarstvennyi universitet, 2015. S. 33.

[9] Iadroshnikova M.S. Ob otgranichenii razboia ot ubiistva, sopriazhennogo s razboem // Ugolovnaia politika i pravoprimeritel'naia praktika. Sankt-Peterburg, 30 oktiabria 2015g. Rossiiskii gosudarstvennyi universitet pravosudiia. Sankt- Peterburg: Izdatel'skii dom «Petropolis», 2015. S. 413.

[10] Korobov P.P. Razboi kak tipichnaia forma khishcheniia // Ugolovnoe pravo. — 2006. — № 1. — S. 29.

